

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Дмитриева Александра Владимировна

**Роль потребления наркотиков в структурировании
социальных отношений**

Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Санкт-Петербург
2012

Диссертация выполнена на кафедре социологии культуры и коммуникаций факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

**Научный
руководитель:**

Ильин Владимир Иванович,
доктор социологических наук, доцент
(Санкт-Петербургский государственный
университет, кафедра социологии культуры и
коммуникаций, профессор)

**Официальные
оппоненты:**

Гишинский Яков Ильич,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал) Академии Генеральной
прокуратуры РФ, профессор)

Мейлахс Петр Александрович,
кандидат социологических наук
(Центр Независимых Социологических
Исследований (ЦНСИ), научный сотрудник)

**Ведущая
организация:**

**Социологический институт
Российской академии наук (СИ РАН),
Санкт-Петербург**

Защита состоится _____ 2012 года в _____ часов на заседании Совета Д 212.232.13 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, Смольный, 9-й подъезд, факультет социологии СПбГУ, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан « _____ » _____ 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.В. Соколов

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Тема потребления наркотиков в последние несколько лет вновь набирает популярность в России. В начале двухтысячных и до середины первого десятилетия, социологи отмечали типичную «моральную панику», через которую прошли практически все европейские страны и волнообразно проходят США. Паника была связана, прежде всего, с эпидемией смертности от злоупотребления наркотиками, которая возникла в результате перехода от общества дефицита к обществу изобилия¹. Однако и тогда, и сейчас речь идет об употреблении «тяжелых» инъекционных наркотиков, а остальные его стороны реже оказываются в поле зрения исследователей-социологов из-за односторонней и одновременно универсализирующей наркополитики.

Разнообразие наркотических практик и их последствий говорит о возможности различных социальных эффектов потребления разных видов наркотиков. Но именно эти различия не выносятся на общественное обсуждение, так как могут поставить под вопрос укоренившиеся представления об очевидном вреде всех наркотиков.

В то же время «неоднозначность, т.е. множественность объяснения изучаемых процессов (феноменов), все в большей степени становится критерием обоснованности социального знания»² в рамках современной социологической метапарадигмы. Изучение вариантов наркопотребления создает некоторые предпосылки для изменения представления о социальной структуре общества в целом. Это особенно актуально для российского общества, поскольку в нем заранее или пока четко не определены наборы характеристик, или новые социальные процессы, значимо влияющие на характер социально-экономической дифференциации населения.

Все это говорит об актуальности темы данного диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы.

Потребление наркотиков уже давно привлекает интерес исследователей из разных областей науки: медицины, криминологии, девиантологии, социальной работы и т.д.

Медико-биологическая точка зрения свойственна последователям наиболее традиционного подхода, рассматривающего общество как живой организм, который можно «лечить». Сторонники этого подхода определяют

¹ По данным Минздравсоцразвития стремительный и непрерывный рост числа больных с впервые установленным синдромом зависимости от наркотических веществ наблюдался с 1992 по 2000 гг. (от 5 141 до 73 271 заболевших). Начиная с 2001 г. происходит сначала постепенный спад, но уже с 2002 г. резкое снижение числа заболевших (2001 г. - 62 846, 2002 г. - 27307), и с 2003 г. ситуация стабилизируется, существенных изменений не наблюдается, в 2009 г. фиксируется 25 223 заболевших за год. ФГУ «ЦНИИОИЗ Минздравсоцразвития РФ» - материалы сайта www.mednet.ru

² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 12.

потребление наркотиков как социальную болезнь или социальную патологию, вызванную наследственным фактором³. Популярность этого подхода в настоящее время вызвана как реальными успехами медицины, так и желанием опереться на единственно устойчивую «ипостась» человека в постоянно меняющемся мире – его тело, биологию и анатомию. В противовес этим надеждам на эффективность медицинского вмешательства и подхода к социальным проблемам и их носителям, в 1970-1980-х гг. сложился дискурс медицины как одного из измерений власти государства, нарушающей права человека через нормирование тела/телесности и выходящей за рациональные пределы влияния на людей⁴.

Последователи криминологической модели рассматривают наркопотребление в рамках категорий нормы, преступления и наказания. Потребитель наркотиков интерпретируется как преступник, нарушающий Закон, а потребление – как процесс неизбежного приобщения к криминальным практикам⁵. Как и медицинская модель, криминологическая опирается на мнение о наследственной, биологической или психопатологической предрасположенности к преступлению (потреблению наркотиков)⁶. Но именно государство и его наркополитика, построенная на запретительных мерах и жестком наказании, способствует укреплению глобального наркобизнеса,

³Оболенский Л.Е. Что в обществах следует считать болезнями? Опыт введения в общественную патологию// Мысль. 1880. № 7; Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб.,1888; Альтшулер В. Б. Патологическое влечение к алкоголю: вопросы клиники и терапии. М.: «Имидж». 1994; Анохина И. П. Биологические механизмы зависимости от психоактивных веществ (патогенез). //Лекции по клинической наркологии под редакцией Н. Н. Иванца. Москва: Российский благотворительный фонд «НАН». – 1995; Попов В.Ю., Кондратьева О.Ю. Наркотизация в России шаг до национальной катастрофы / В.Ю. Попов, О.Ю. Кондратьева. // Социс. 1998. №8; Козлов В.В. Руководство по спасению наркомана, или краткий курс выживания / В.В. Козлов. М.: Изд-во института Психотерапии, 2002.

⁴ Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998; Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006; Illich I. Medical Nemesis: The Expropriation of Health. N.Y: Pantheon Books, 1976. Conrad P., Schneider J. Deviance and Medicalization. St. Louis: Mosby, 1980; Conrad P. Medicalization and Social Control // Annual Review of Sociology. 1992.

⁵ Гернет М.И. Социальные факторы преступности / М.И. Гернет. М., 1905; Gandossy R. P. Drugs and crime: A survey and analysis of the literature. National Institute of Justice. Washington, DC. 1980; Ball J. C. The day-to-day criminality of heroin addicts in Baltimore: A study in the continuity of offense rates. Drug and Alcohol Dependence, 12. 1983; Anglin M.D., Speckart G. Narcotics use and crime: A multisample, multimethod analysis. Criminology, 26. 1988; Мухаметгалиев И.Г. Криминализация сознания и поведения современной российской молодежи: проблемы преодоления: автореф. дис. . канд. социол. наук / И.Г. Мухаметгалиев; Казань, КГУ, 2000.

⁶ Lombroso, C. L'Uomo Delinquente, Milan, 1876. Закревский И. П. Об учениях уголовно-антропологической школы. // Журнал гражданского и уголовного права. 1891; Спасович В. Д. О новых направлениях в науке уголовного права // Вестник Европы. 1891.

криминализации потребителей наркотиков и исключению значительной части населения из социальной жизни⁷.

В последние годы активно разрабатывается концепция девиантогенности современного общественного устройства - «общества потребления». В основе ее лежит мысль, что сама идеология этого общества, заключающаяся в поиске все новых способов получения удовольствия, приводит к перепотреблению и формированию новых «нетрадиционных» зависимостей, и к тому, что нет вещей, которыми нельзя было бы злоупотреблять⁸. В России, по мнению ряда специалистов, расширение круга девиаций детерминировано аномичным состоянием общества в целом⁹.

Специалисты по социальной работе рассматривают наркопотребление как разновидность аддиктивного поведения подростков и молодежи¹⁰. Существенное внимание они уделяют профилактике потребления наркотических

7 Гишинский Я. И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3; Гишинский, Я. И. "Исключенность" как глобальная проблема и социальная база преступности и иных девиаций // Криминология: № 1 (7). - СПб., 2004; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб.: «Алетейя», 2011; Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / СПб.: Алетейя; Baum D. Smoke and Mirrors: The War on Drugs and the Politics of Failure / Back Bay Books. 1997.; Miron J. A. Drug War Crimes: The Consequences of Prohibition / Independent Institute. 2004; Mark Kleiman A.R., Caulkins P. J., Hawken A. Drugs and Drug Policy: What Everyone Needs to Know / Oxford University Press. 2011.

⁸ Гишинский Я.И. Социальная патология в современной цивилизации. В.: Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000; Радаев В. В. Социология потребления - основные подходы/ Социс. № 1,2005; Комлев Ю.Ю. От социологического изучения феномена к обновлению антинаркотических практик // Социс, № 6, 2005; Хагуров Т.А. Постмодерн как культурно-интеллектуальная доминанта современности: девиантогенность «освобожденного сознания» / Общество и право. Всероссийский научный журнал, № 2(12), 2006; Хагуров Т.А. Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа. Монография. М.: ИС РАН, 2006; Гишинский Я.И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? // Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. — М.: ИС РАН, 2007; Белоусов К.Ю., Гольберт В.В., Костюковский Я.В. Девиантогенность потребления// Петербургская социология сегодня. Сб. науч. трудов СИ РАН. – СПб.: Нестор – История, 2010.

⁹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение.- М.: Канон, 1995; Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966; Parsons T. The Sick Role & the Role of Physician Reconsidered // MMFQ / Health & Society, Summer 1975; Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2003.

¹⁰ Бородкина О.И. Социальный контекст эпидемии ВИЧ/СПИДа // Журнал исследований социальной политики. 2008. Том 6, № 2; Бородкина О. И. Снижение вреда как стратегия профилактики ВИЧ-инфекции среди наркопотребителей // Актуальные проблемы социальной работы» СПб.: Скифия, 2005; Келасьев В.Н. Первова И.Л. Социальная компетентность и технологии ее формирования // Вестник СПбГУ, 2010. №3. С.356-365; Соколов Н. В., Бородкина О. И., Козлов А.П. Здоровье и поведенческие риски студенчества. СПб.: Скифия-Принт, 2007. Серета В.М. Мы выбираем жизнь. Методическое пособие, программа активной профилактики наркомании, ВИЧа/СПИДА и других заболеваний, передающихся половым путем среди учащихся СПТУ. СПб, 2002;

веществ, заболеваний, связанных с их потреблением, а также работе с семьями наркозависимых и аспекту «созависимости».

Конструированию наркопотребления как социальной проблемы и конструированию «моральной паники» по этому поводу посвящен отдельный пласт социологических работ¹¹, а в конце 1990-х - середине 2000-х гг. появились исследования, посвященные процессам институционализации и нормализации потребления наркотиков в молодежных кругах, вплоть до рекреационного употребления героина в российских городах¹².

Существенным признаком общества потребления являются новые принципы его структуризации. Внутри каждой из разнообразно дифференцированных групп потребителей наркотиков формируются отдельные подгруппы, в частности возникают «компетентные» потребители – образованные профессионалы, противостоящие усилиям государственной власти в их социальном исключении. Исследованию «социально интегрированных» потребителей наркотиков, осознающих риск и контролирующих собственное потребление, серьезное внимание уделяют западноевропейские социологи¹³. Процессы социального исключения стали предметом изучения сначала иностранных социологов, позже российских¹⁴.

¹¹ Miller G., Holstein J. Reconsidering Social Constructionism // Reconsidering Social Constructionism / Ed. By J. Holstein, G. Miller. NY: Aldine de Gruyter, 1993; Gordon D.R. The Return of the Dangerous Classes: Drug Prohibition and Policy Politics. New York: W.W. Norton & Company, 1994; Harding G. Constructing Addiction as a Moral Failing // Sociology of Health and Illness. 1986. Vol. 8; Смирнова Н. Очерк 10. Паника или Знание? Конструирование проблемы роста потребления наркотиков среди подростков и молодежи в местной прессе // Герои нашего времени. Социологические очерки / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000; Хеншель Р. Определение социальных проблем средствами массовой коммуникации // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000; Мейлахс П. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004, № 4; Ясавеев И. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во КГУ, 2004.

¹² Нормальная молодежь: пиво, тусовки, наркотики / Под ред. Е. Омельченко. – Ульяновск: Изд-во УГУ, 2005; Пилкингтон Х. "Для нас это нормально": исследование «рекреационного» употребления героина в культурной практике российской молодежи // ЖИСП. 2006, т. 4, № 2.

¹³ Calafat A. and others Risk and control in the recreational drug culture / Sonar Project. 2001. Palma de Mallorca: IREFREA; Hirst J., McCamley-Finney A. The place and meaning of drugs in the lives of young people. Health Institute Report no. 7, Sheffield Hallam University. 1994.; Confronting drug policy: illicit drugs in a free society / Cambridge University Press, Cambridge. 1993. 379 p.; Pape H., Rossow I. Ordinary" People with "Normal" Lives? a Longitudinal Study of Ecstasy and other Drug use among Norwegian Youth // Journal of Drug Issues 2004 34: 389; Rødner S. "I am not a drug abuser, I am a drug user": A discourse analysis of 44 drug user's construction of identity // Addiction Research and Theory. 2005. 13 (4), pp. 333–346; Rødner S. Practicing Risk Control in a Socially Disapproved Area: Swedish Socially Integrated Drug Users and Their Perception of Risks // Journal of Drug Issues. 2006. 36(4), pp. 933-952

¹⁴ Touraine A. Face à l'exclusion // Esprit. 1991. № 141; Da Costa, A. B. Social Exclusion and the New Poor: Trends and Policy Initiatives in Western Europe. In Social Exclusion and Anti-Poverty

Феномену продвинутой маргинальности и новым типам социального исключения в глобализирующихся обществах посвящены последние работы классиков социологии¹⁵.

Дифференцированным практикам потребления наркотиков было посвящено немного работ российских социологов¹⁶. Основным принципом дифференцирования практик потребления наркотиков является противопоставление практик потребления «тяжелых» инъекционных наркотиков практикам повседневного потребления марихуаны¹⁷.

Таким образом, многие аспекты наркопотребления довольно подробно изучены. Они касаются в основном, проблемных зон, связанных с разнообразными тяжелыми последствиями зависимостей, разрушающих как потребителя, так и угрожающих обществу в целом. Но довольно широко распространенное повседневное (рутинизированное) потребление наркотиков, их роль в современной жизни, как правило, остаются за рамками исследований, или их объектом становится только молодежь¹⁸. Насколько велико их влияние на

Policy, edited by Charles Gore and Jose B. Figueiredo. Geneva: International Institute of Labour Studies. 1997; Григорьева И.А. Социализация в процессах исключения/включения // Отечественные записки. 2006. № 3; Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999.Т.2. С. 140-156; Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // СОЦИС. 2003. №1. С.36-44. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001; Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Seddon T. Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs-Crime Research // British Journal of Criminology July 1, 2006 46: 680-703.

¹⁵ Sen A.. Social exclusion. Concept, application, and scrutiny. Asian development bank, 2000; Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Bauman Z. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity. 2004; Wacquant L. The Rise of Advanced Marginality: Notes on its Nature and Implications // Acta Sociologica. 1996. Vol. 39. № 2.p. 127;

¹⁶Бартенев А.Г. Наркотизация российской молодежи: дифференцированность наркотических практик : социологический анализ. Канд. дисс. к.с.н. Нижний Новгород, 2009; Бартенев А. Г. Восприятие образа наркотизма и потребителя наркотиков населением Республики Татарстан: результаты социологического исследования Электронный ресурс. / А. Г. Бартенев. Режим доступа: <http://www.narkotiki.ru/research6374.html>;

¹⁷ Becker H. Becoming a Marijuana User // American Journal of Sociology. 1953. № 59, pp. 235-242; Hathaway A. Cannabis normalization and stigma: Contemporary practices of moral regulation // Criminal Justice. 2011. № 11, pp. 451-469; Brochu S.; Duff C., Asbridge M., Erickson P. "There's what's on Paper and then there's What Happens, out on the Sidewalk": Cannabis Users Knowledge and Opinions of Canadian Drug Laws // Journal of Drug Issues. 2011. №41, pp. 95-115; Goode E. The Marijuana smoker / New York: Basic Books; 1970.

¹⁸ Hawdon, J. Deviant lifestyles: The social control of routine activities // Youth and Society. 1996. № 28, pp. 162-188; Osgood D. Wayne J. K. Wilson M., O'Malley J., Bachman G., Johnston L. Routine activities and individual deviant behavior // American Sociological Review. 1996. №61. Pp. 635-655; Bernburg J. G., Thorlindsson T. (). Routine activities in social context: A closer look at the role of opportunity in deviant behavior // Justice Quarterly. 2001. №18, pp. 543-567; Measham F., Parker H., Aldrige J. The teenage transition: From adolescent recreational drug use to the young adult dance culture in Britain in the mid-1990s. // Journal of Drug Use. 1998. №28. Pp. 9-32.

структурирование общества и, наоборот, детерминирует ли сложившаяся социальная структура определенные практики наркопотребления и степень их распространенности, изучено недостаточно.

Поэтому **целью** диссертационного исследования является определение роли потребления наркотиков в структурировании социальных отношений.

Поставленная цель реализуется с помощью решения следующих **задач**:

- обоснование использования пост-структуралистской социологической парадигмы для объяснения влияния потребления наркотиков на социальную структуру современного общества,

- анализ трансформации процессов включения/исключения в социальной структуре общества,

- анализ инструментов номинирования, используемых государством, следствием применения которых являются процессы включения/исключения, дополняющие традиционную вертикальную структуриацию

- анализ структуриации социального пространства потребления наркотиков на макро- и мезо- уровнях общества,

- изучение процесса криминализации потребления наркотиков как фактора социальной структуриации;

- эмпирическое исследование мнения экспертов в области потребления наркотиков о возможностях декриминализации и дифференцирования потребления и потребителей наркотиков,

- эмпирическое исследование отношения эпизодических потребителей наркотиков к потреблению/потребителям разных наркотиков и оценка влияния позиции государства и его институтов на его формирование,

- эмпирическое исследование стилистических особенностей потребления разных видов наркотиков и определение места дифференцированных наркотических практик в структуре российского общества.

Объектом диссертационного исследования является потребление наркотиков в современной России (в последние двадцать лет)

Предметом – влияние потребления наркотиков на структуриацию современного российского общества.

Гипотезы:

1. Основная **гипотеза** заключается в том, что в современном обществе потребления возникают новые факторы структуриации, основанные не на привычных фундаментальных признаках, таких как накопленная собственность или социальное происхождение, а на особенностях, *стиле* потребления, который становится фактором социальной дифференциации, конструирования идентичности, самопрезентации.

2. В современном пространстве потребления наркотиков возникает довольно четкая граница между наркозависимыми и потребителями. Осведомленность и опытность современных потребителей позволяет им «не уходить в болезнь», не становиться «социально исключенными», а «стилизовать» жизнь при помощи разных видов наркотиков.

Теоретико-методологической основой исследования стали концепции структуризации Э.Гидденса, социального пространства П. Бурдьё, номинирующей власти государства М.Фуко и концепции социального исключения, развиваемые рядом современных социологов¹⁹. Связующим звеном между данными концепциями является системный подход к процессу взаимодействия разных социально-профессиональных групп, вовлеченных в проблематику наркопотребления, и непосредственно наркопотребителей; взаимодействия законов РФ и номинаций государственной власти с реальными практиками наркопотребления. Эти процессы, накладываясь друг на друга, приводят к структурным сдвигам в обществе, возникновению новых структурных образований в части социального пространства, ограниченной отношениями наркопотребления.

Стратегией исследования является «grounded theory», разработкой которой занимались Б. Глезер, А. Страусс, Дж. Корбин. Данная стратегия подразумевает постоянное обращение и к теории, и к практике, сочетание методов дедукции и индукции, непрерывный анализ и сравнение. В процессе сочетания этих исследовательских операций происходит постепенное «восхождение» к теории (в интерпретации В.В. Семеновой), или, по определению В.А. Ядова, в обратном направлении - «заземление теории». «Grounded theory» дополняется элементами кейс-стади в тех случаях, когда история изучаемого объекта/объектов представляет лонгитюдный интерес.

Используемые **методы сбора данных** также представляют собой динамический процесс накапливания и насыщения информацией разного уровня, а именно:

- Вторичный анализ государственной статистики, нормативных документов (законодательство, медицинские документы, постановления, указы и пр.), публикаций СМИ по тематике потребления наркотиков

- Экспертные интервью
- Глубинные биографические интервью
- Фокус-группы
- Включенное/невключенное наблюдение

Выборка строилась на трех уровнях:

1. Эксперты в области потребления наркотиков из разных профессиональных сфер (медицинской, правовой, полицейской)

2. «Компетентные зрители» - потребители с минимальным опытом потребления, но находящиеся как в зоне повышенного влияния государственной контрпропаганды, так и во власти собственного любопытства

¹⁹ Da Costa, A. B. Social Exclusion and the New Poor: Trends and Policy Initiatives in Western Europe. In Social Exclusion and Anti-Poverty Policy, edited by Charles Gore and Jose B. Figueiredo. Geneva: International Institute of Labour Studies. 1997; Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. №2.

3. «Компетентные потребители», имеющие опыт длительного потребления (от 5 лет), включенные в социальную жизнь, профессионально успешные, имеющие работу, друзей и пр.

Этапы проведения исследования:

1. «Кабинетный» этап включал в себя анализ государственной статистики и нормативных документов, специфики подачи информации о потреблении наркотиков в СМИ и отражения социально-политических дебатов, существенная часть которого отражена в теоретической части исследования.

2. «Экспертный» этап заключался в сборе разносторонней информации о потреблении наркотиков из уст экспертов (всего 9), профессионально занимающихся регулированием этого вопроса, как в теории, так и на практике. Задача этого этапа состояла в том, чтобы увидеть различия потребления и потребителей разных видов наркотиков, которые существуют, но экспертами обычно не озвучиваются.

Экспертами, репрезентирующими медицинский дискурс, стали заместитель главврача государственной наркологической больницы, занимающийся административной работой на этой должности, и реабилитологи-психотерапевты из государственной и частной наркологических клиник, ведущие индивидуальную и групповую психотерапевтическую практику.

Правовой дискурс анализировался посредством интервью с практикующими юристами, специализирующимся на делах по статьям, связанных с наркотиками, и с известным ученым, криминологом-девиантологом Я.И. Гилинским. Также в качестве экспертов были привлечены представители петербургской полиции, которые по понятным причинам не были готовы к развернутому интервью и записи на диктофон. В этой ситуации нам пришлось фиксировать полученную информацию после проведения «свободной беседы». Данные, полученные в ходе этих бесед, не выделены в тексте в виде прямой речи, но позволили сделать основные выводы по поводу взаимодействия «полиция-потребитель наркотиков».

Объективирующим дополнением к анализу результатов взаимодействия медицинского и правового дискурсов, стало интервью с наркодилером с более чем двадцатилетним стажем продажи и потребления наркотиков. Факт длительности данного опыта позволяет интерпретировать его как экспертный и в какой-то мере профессиональный.

Помимо самой дифференциации, задача данной части исследования заключалась в поиске точек пересечения этих исходно разных, но, как выяснилось на практике, во многом совпадающих дискурсов. Таким образом, исследование различий и совпадений отдельных дискурсов было построено по принципу триангуляции, которого мы в целом придерживались в ходе сбора эмпирического материала.

Таким образом, поле потребления наркотиков дифференцировалось по совокупности экспертных компетенций по следующим критериям:

- распространенность

- особенности потребителей/потребления (включающие специфику выявления и задержания в юридической/полицейской практике)
- специфика действия
- аддиктивный потенциал
- последствия (медицинские/правовые/социальные)
- стоимость вещества

Классификация самих наркотических веществ была сделана с помощью изученных источников по этой проблематике²⁰, после чего она была предложена для согласования с каждым из экспертов, но серьезной критике и изменениям подвергнута не была. В качестве примера такой классификации предлагается один из последних вариантов, опубликованный в 2010 г. в авторитетном британском медицинском журнале “The Lancet”.²¹

3. «Полевой» этап включал в себя как относительно поверхностное изучение потребления наркотиков, так и глубинное. Задача первой части заключалась в том, чтобы проанализировать существующее отношение к потреблению/потребителям разных видов наркотиков, и то, как государство влияет на его формирование, используя в качестве информантов среду потребителей с минимальным опытом потребления (или без опыта). Вторая часть данного этапа состояла из ряда глубинных интервью и кейсов, с помощью которых были проанализированы стилистические особенности потребления наркотиков, структура микроуровня пространства потребления наркотиков, различные потребительские поля, сходства и различия между ними.

Включенное/невключенное наблюдение выступило необходимым «триангулирующим» дополнением, позволившим зафиксировать не только этнографические особенности повседневности потребителей наркотиков, но и автоэтнографические трансформации, произошедшие с исследователем в процессе изучения темы.

3.1 Фокус-группы проводились со студентами 3-го курса специальности «Реклама» в Санкт-Петербургском университете технологии и дизайна. Всего было проведено 4 фокус-группы, количество участников которых колебалось от 12 до 16 человек. Средний возраст информантов – 18-19 лет. Мы предположили, что употребление легальных и запрещенных психоактивных веществ может быть важным социализирующим фактором, и к 18-19 годам наши информанты уже могут иметь некоторый наркотический опыт, которым смогут поделиться, а главное обозначить свое отношение к наркотикам и наркопотребителям.

3.2 Анализ проведенных глубинных биографических интервью с потребителями разных видов наркотиков (15) показал, что названные нами «компетентные» потребители часто объединяются в небольшие

²⁰Прежде всего на основании ежегодных докладов UNODC (Управления Организации Объединенных Наций по Наркотикам и Преступности). URL: <http://www.unodc.org/russia/index.html>. Дата обращения: 08.09.2011.

²¹Prof David Nutt FMedSci a, Leslie A King PhD b, William Saulsbury MA c, Prof Colin Blakemore Development of a rational scale to assess the harm of drugs of potential misuse // The Lancet, Volume 369, Issue 9566, Pp. 1047 - 1053, 24 March 2010.

группы/компании/тусовки/коммуны, и они же составляют типологический «костяк» каждого потребительского поля. Учитывая, что объединение происходит во многом исходя из фактора совместного употребления наркотиков, взаимоконтроль, обмен опытом, взаимоподдержка в процессе употребления оказываются существенными причинами, в том числе, для того, чтобы жить вместе. Для этих групп определенные виды наркотиков и их сочетания задают стилистический характер жизни, который может меняться, а может переходить в устойчивое состояние.

Мы изучили разные измерения повседневности потребления наркотиков. Первым был проанализирован множественный биографический кейс, состоящий из случаев информантов старше 30 лет, имеющих большой опыт употребления наркотиков (не менее 10 лет), реализовавшихся профессионально и в личной/семейной жизни. Эти потребители не объединяются, чтобы жить вместе и оберегать друг друга, но сохраняют длительные дружеские отношения, которые для нас являются, в том числе, иллюстрацией разных функций потребления наркотиков, а также показателями «автономности» индивидов и их стремления к самостоятельности даже в условиях жесткого государственного контроля.

Во втором кейсе мы проанализировали случай молодежной коммуны (по определению участников), которая сформировалась в процессе выращивания и совместного употребления марихуаны. Каждый из участников коммуны имеет высшее образование и постоянную работу, вполне успешно справляется с управлением собственной жизнью, используя разные наркотики как ресурс стилизации собственной жизни.

Третий кейс представляет собой крайний случай, в основе которого лежит история жизни одного человека, ставшая иллюстрацией процесса перехода гибкого стиля жизни (рассмотренного в кейсе коммуны) в устойчивый «наркотический» образ жизни. Эту life-story мы рассматривали с помощью разных методов сбора информации: глубинных биографических интервью с непосредственным объектом исследования, включенного наблюдения и глубинных интервью с близкими друзьями объекта. Исследование этого случая растянулось на 2,5 года.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- в доказательстве того, что потребление наркотиков в современном обществе становится новым фактором структуриации общества, а деятельность потребителей наркотиков во многом структурируется этим процессом;
- в анализе структурирующей роли потребления наркотиков в социальном пространстве впервые использованы подходы Э.Гидденса и П.Бурдьё;
- в обосновании возможностей декриминализации потребления наркотиков, которое становится одной из стилизирующих повседневных практик, поскольку идеология общества потребления создает предпосылки перепотребления даже физиологически необходимых продуктов;

- в доказательстве тезиса о социально-исключающей роли современного государства и расширении пространства социального исключения наркопотребителей (на основе анализа нормативных документов и правоприменения);

- в обосновании необходимости использования дифференцированного подхода к потреблению наркотиков для более эффективной профилактики социального исключения, увеличения доверия к государству и его институтам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ макро-, мезо- и микро- уровней пространства потребления наркотиков позволили сделать вывод, что структуральные принуждения (в терминологии Э. Гидденса) как ограничивают, так и представляют возможности изменения социальной позиции. Дополнение концепции Гидденса анализом процессов исключения/включения дает возможность уточнить, какие механизмы исключения используются государством для структуризации нормативного общества, и какие механизмы используют потребители наркотиков для включения в потребительские сообщества.

2. В качестве инструментов номинирования государство использует недифференцированную систему значений, уравнивающую наркозависимость и другие формы потребления наркотиков, которая находит отражение в различных нормативных документах. Происходит расширение списка «исключающих» номинаций, при этом «портрет» потребителя универсализируется. Однако функции потребления наркотиков существенно дифференцированы, что особенно заметно при переходе от макро на микроуровень потребления.

3. Потребление разных видов наркотиков задает разные стили жизни на микроуровне современного общества, определяя позицию индивидов в пространстве «текучих» стилевых позиций. Потребление наркотиков оказывается не только дифференцированным само по себе, но и дифференцирует потребителей, т.е. определенным образом «стилизует» их жизнь.

4. Дифференцированный подход к потреблению наркотиков становится одним из важных способов преодоления социального исключения, и воспитания культуры уважения прав разных представителей современного «индивидуализированного» общества.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что предложенные в диссертации идеи дифференцированного подхода к потреблению наркотиков, могут быть использованы для внесения соответствующих поправок в нормативно-правовые документы и послужить способом профилактики социального исключения потребителей наркотиков. Также материалы диссертации могут быть использованы в преподавательской практике, в частности, при чтении курсов по социальной структуре современного общества, социологии социальных проблем, девиантологии, методологии полевых исследований маргинальных групп общества.

Апробация работы.

Основное содержание диссертационного исследования представлено в 15 авторских публикациях общим объемом 5,2 печатных листа, в том числе в четырех публикациях в журналах из списка ВАК. Основные выводы докладывались: на международной конференции сети Европейской Социологической Ассоциации (ESA) «Биографические перспективы изучения европейских обществ» «Прикладные биографические исследования» (Германия, Нюрнберг, 2010), на 10-й международной конференции Европейской Социологической Ассоциации (ESA) «Социальные отношения в турбулентные времена» (Швейцария, Женева, 2011), на 11-м международном симпозиуме «Глобальная/локальная молодежь: новые гражданские культуры, права, обязанности» (Финляндия, Турку, 2011), на международных конференциях «Потребление как коммуникация» (С-Петербург, 2010, 2011), на всероссийской конференции «Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна» (С-Петербург, РГПУ, 2012), на летней школе «Accessibility, capabilities and social exclusion» (С-Петербург, 2012). Эмпирические результаты исследования обсуждались на авторском семинаре «Наркотики как стиль жизни», организованным Советом молодых ученых факультета социологии СПбГУ (С-Петербург, 2011). Автором был проведен семинар «Потребление наркотиков как объект правового регулирования» в Центре независимых социологических исследований (ЦНСИ), организованный исследовательской группой «Общество и право» (С-Петербург, 2011).

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав, включающих 7 параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается тема диссертационного исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, формулируются цель и задачи диссертационного исследования, его объект, предмет, теоретико-методологическая основа исследования. Приводятся элементы научной новизны, положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

В **главе 1 «Принципы структуризации современного общества»** аргументируется релевантность концепции структуризации при изучении социальной структуры современного общества потребления. Обосновывается и анализируется трансформация концепции включения/исключения, приводятся доводы, указывающие на актуальность использования этой концепции при изучении принципов социальной структуризации современного общества.

В **параграфе 1.1. «Потребление как фактор структуризации современного общества»** обосновывается использование теории структуризации Э.Гидденса и концепции социального пространства П.Бурдьё. Анализируются изменения, произошедшие в обществе за последние 20 лет, особенности перехода к «обществу потребления» и новые социальные функции потребления.

Э. Гидденс²² предпринимает попытку найти консенсус между отношением общество/индивид, между объективистскими и субъективистскими подходами. Переводя акцент от привычного «дуализма» к авторской «дуальности», автор подчеркивает, что общество и индивиды не существуют независимо друг от друга. Напротив, или одно, поглощая другое, диктует свои правила, или, благодаря их взаимосвязи и взаимодействию, они продолжают воспроизводиться.

Концепция Э. Гидденса, акцентирующая внимание на взаимодействии индивида и общества, а не на их противопоставлении, представляется актуальной для интерпретации всего, происходящего в пространстве потребления наркотиков в современном обществе. Гидденс указывает на взаимосвязь и взаимодействие между институтами, которые имеют бессубъектный и безличный характер, и собственно социальными субъектами, т.е. индивидами или сообществами, в терминологии Гидденса, «агентами». При этом «агенты — социальные субъекты первоначально социализируются в рамках тех социальных институтов, которые уже существуют, и лишь позже, приобретя должный личностный и статусный ресурс, своими практическими действиями влияют на изменения социальных институтов и иных структур, вплоть до радикальных их преобразований»²³.

Концепция социального пространства П.Бурдьё акцентирует внимание на тех переменах, которые произошли как в самом современном обществе, так и в его структуре. Он указывает, что в современных обществах преобладают «горизонтальные», а не «вертикальные различия». Существование «немарксистских» классов и классового сознания в большей степени объясняется возможностями государства выделять и номинировать отдельные группы, исходя из тех обобщенных различий, которые видны с того высокого уровня, на котором государство находится по отношению к обществу и отдельным индивидам. По мнению Бурдьё, структура общества представляет собой не пространство классов, поскольку они существуют «на бумаге», а пространство стилей жизни. Очевидно, что различия стилей жизни имеют более тонкие, менее заметные, на первый взгляд, основания. Однако способность к различению становится важным фактором не только в процессе дифференцирования групп вовне, но и возможности отнесения себя к одной из этих групп, так как она определяется «весом» символического капитала индивидов, включенных в эти группы.

Одним из основных факторов дифференцирования П. Бурдьё называет потребление, стиль которого в современном обществе становится «знаком отличия». С помощью методологии Бурдьё нами рассматривается

²²Теория структурирования максимально полно изложена в книге: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурирования. М.: Академический Проект, 2005.

²³Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций. Изд. второе. СПб: 2009.

«стилизирующая» функция наркотиков, их способность структурировать особым образом жизнь индивидов.

В обществе, где «стилистические» различия приобретают все большее значение, естественным образом расширяются представления о нормах и девиациях. «Стиль» отличается управляемостью, которая выражается в возможности его менять «по желанию» – тогда, когда это необходимо. Само это понятие идеально вписывается в контекст современного общества, о котором, как выше было отмечено, З. Бауман говорит следующее: «Рекомендуемая жизненная стратегия сегодня – это то, что на английском языке звучит как *flexibility* – гибкость и подозрение ко всем долговременным обязанностям²⁴». Стиль становится антиподом социального статуса²⁵, который довольно редко может быть изменен самим индивидом, скорее это происходит под влиянием обстоятельств извне, которые, однако, он (индивид) может форсировать или замедлять.

Таким образом, стиль жизни гораздо более пластичен и динамичен, чем довольно устойчивый статус. Следовательно, разнообразие стилизирующих факторов может выражаться, в том числе, разными степенями отклонения от нормы, причем как в сторону позитивных отклонений (о чем свидетельствует волна исследований микросоциальных групп), так и в сторону негативных (рост преступности, наркомании, проституции и т.д.).

В параграфе 1.2. «Социальное включение/исключение как принцип и результат структурирования современного общества» обосновывается тезис, в разное время поддержанный А.Туреном, А.Сеном, П.Абрахамсоном, П. Бурдые, З. Бауманом, Н.Е.Тихоновой и др., о том, что привычную иерархическую классово-групповую структуру общества дополняет другая ось: включение/исключение.

Концепция «социальное исключение» изначально интерпретировалась как аналог концепции «бедности». Однако впоследствии были обнаружены существенные различия. В отличие от бедности, исключение не обязательно характеризуется низкими доходами или их отсутствием. Важным показателем исключенности (как результата процесса исключения) является ограничение и разрыв социальных связей, который совсем не обязательно присутствует в процессах бедности. При этом по замечанию П. Абрахамсона, доля социально исключенных в развитых социальных государствах, в последнее время увеличивается значительно быстрее, чем доля бедных²⁶. Это, в свою очередь, указывает на смещение акцентов от «вертикальных» характеристик общества к

²⁴ Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция Зигмунта Баумана. 06 мая 2011. [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/topic/video/. Дата обращения 10.05.2011

²⁵ Черныш М. (2000) Россия держит марку // Контекст, N 5, май. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soob.ru/>. Дата обращения 11.04.2010

²⁶ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. №2. С. 158

«горизонтальным», и является, по мнению классика криминологии Д. Янга, характерной чертой «поздней модерности»²⁷.

З. Бауман, посвятивший несколько книг последствиям глобализации, как одно из таких последствий выделяет социальное исключение, как в форме «выброшенных отходов», так и в другой, которую он называет «продвинутой маргинальностью». О.Н. Яницкий связывает проблему социального исключения со «сдвигом» от «обеспокоенности государства и общества экономическими и социальными причинами "перенаселенности", к беспокойству обеспеченных слоев об их личной безопасности. Страхи последних - прекрасная почва для индустрии безопасности, которая формирует частный "рынок безопасности", и, параллельно - становится одним из главных ведомств по обработке "человеческих отходов"²⁸.

В современном обществе потребления прежде разнонаправленные процессы «включения/исключения» скорее притягиваются, а не отталкиваются в противоположные стороны, тем самым становясь разными гранями одного процесса, сменяющими друг друга в зависимости от угла зрения. Устоявшиеся экономические измерения неравенства, остающиеся превалирующими, дополняются менее изученными и однозначными.

В конструировании «включенных» и «исключенных» участвуют совершенно разные по качественному уровню дискурсы и «социальные группы влияния». Г. Беккер в своей работе «Аутсайдеры» писал о таких группах, как о создающих девиацию²⁹. По утверждению З. Баумана, «сегодня даже в самых демократических странах государство по-прежнему притязает на фундаментальную конституирующую прерогативу суверенности: на право исключать»³⁰. Воображаемая «ось стигматизации», связанная с потреблением наркотиков, начинается с частного межличностного номинирования, в котором противопоставляются нормативные индивидуальные практики ненормативным. А заканчивается уголовным, обобщающим в терминологии М.Фуко индивидуальную «ненормальность». Между ними помещаются медицинский и административно-правовой типы стигматизации, в конечном счете, также ведущие к исключению.

Современное общество потребления выступает как апофеоз конструирования, в основе его лежит производство социальных конструктов. Оно само – не что иное, как даже не социальный, а скорее социологический конструкт, исследуемый авторами от Т. Веблена до В. И. Ильина.

²⁷ Young J. From inclusive to exclusive society: nightmares in the European dream / In: Ruggerio, V., South, N. & Taylor, I. (eds) *The New European Criminology: Crime and social order in Europe*, London: Routledge

²⁸ Цит. по Яницкий О.Н. О бедности как социальном явлении. ИНДЕКС/Досье на цензуру, 2004, № 21.

²⁹ Becker, H. 1963. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: The Free Press.

³⁰ Цит. по Яницкий О.Н., О бедности как социальном явлении. — “ИНДЕКС/Досье на цензуру”, 2004, № 21. Bauman Z. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity. 2004. С. 21-25.

Мы можем сделать *вывод*, что возможности для социального исключения расширяются, увеличивается спектр практик, попадающих в число ненормативных, а «портрет» нарушителя социального порядка лишается индивидуальных черт, стандартизируется. Вместо конкретного человека с его собственной биографией, или, как говорят по-английски, «life story», возникают «категории», более того, «маргинальные категории населения», такие как наркоманы, проститутки, алкоголики и т.п. Фактически, речь идет об «ограничениях альтернатив, доступных субъекту или субъектам деятельности в данных условиях или обстоятельствах»³¹, т.е. о принудительных функциях власти.

В Главе 2. «Социальное пространство потребления наркотиков» раскрывается роль государства и его институтов в определении места потребителей наркотиков в социальном пространстве. Практически все существующие номинации являются «стигмами» и способствуют социальному исключению, т.е. помещают потребителей за пределы нормального/нормативного общества.

В параграфе 2.1. **«Структуризация социального пространства потребления наркотиков: макро- и мезо- уровни»** рассматривается роль государства и его институтов в структуризации социального пространства потребления наркотиков. Нами были обозначены номинации, которые формулируются в процессе деятельности государства и его институтов.

Как социальное пространство, пространство потребления наркотиков представляет собой «карту» пересечения и отталкивания различных социальных полей, принимающих то форму дискурсивных, то властных. Агенты каждого поля в разной степени имеют как реальную физическую власть вносить изменения в это пространство с помощью конкретных действий, так и «номинативную» власть, т.е. власть называть и определять те или иные социальные явления от лица большинства. Между собой эти поля могут быть связаны социальными сетями, представляющими «каналы транспортировки тех или иных ресурсов (политических, материальных, моральных и т.д.)»³². Так, между государством и его институтами существует налаженная сеть распределения ресурсов, например, властных и экономических. Чем дальше от основного источника ресурсов находится конечный пункт, тем слабее становятся «сетевые связи».

Власть государства определяется широтой власти «номинирования» и отсутствием активной «обратной связи» от общества. Дискурс государства фиксируется в нормативных документах, которые закрепляют произведенные им номинации, определения и оценки. В свою очередь, эти документы представляют собой расписанную наперед карту социального пространства, в

³¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. - 2-е изд. - М.: Академический Проект, 2005. С. 257.

³² Ильин В.И. Феномен поля: от метафоры к научной категории // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 46

котором к очевидной оси социальное включение/исключение, добавляются оси норма/преступление, здоровье/болезнь.

Номинации, которые производятся в поле государственной власти, структурируют социальное пространство на меньшинство, которое употребляет наркотики, и на тех, кто составляет нормативное большинство и не употребляет.

Правовое поле структурирует социальное пространство на законопослушных граждан и правонарушителей в пределах административного и уголовного кодексов. К уже выявленным критериям структуриации добавляются дополнительные действия потребителя наркотиков, которые могут быть классифицированы как преступления. Таким образом, в правовом поле значительно увеличивается количество номинаций, относящихся к потреблению наркотиков, и, соответственно, количество возможностей взаимодействия потребителя с правовым полем. Получение такого статуса автоматически исключает потребителей из тех видов профессиональной деятельности, которые требуют подтверждения об отсутствии подобного «клейма». Социальная мобильность потребителей наркотиков может быть осложнена и даже остановлена, как и, например, межстрановая мобильность, предполагающая получение визы на основании отсутствия судимости и уголовного преследования.

В промежутке между правовым и медицинским полями располагается поле наркоучета. С одной стороны, поводом для постановки на учет служат медицинские показания, с другой, все сведения о поставленных на учет, передаются в правоохранительные органы. Т.е. постановка на учет становится поводом для привлечения внимания агентов правового поля.

Пересечение полей, в которых легитимизуется проведенная государством граница между нормативными и ненормативными членами общества, порождает дискурс нормализации. Дискурсивное поле СМИ конструирует «человеческий облик» потребления наркотиков. Именно с их помощью нормативное большинство получает возможность распознать мнимое «меньшинство». СМИ наделяют портрет потребителя наркотиков универсальными чертами, которые могут в реальности относиться только к потребителям опиатных наркотиков, но в этой же реальности закрепляется и за всеми остальными потребителями.

В процессе взаимодействия полиции и потребителей наркотиков впервые настолько явно проявляется дуальность структуры, о которой пишет Гидденс. Именно на этом уровне очевидным становится способность к преобразованию структуры, которой потенциально обладают все индивиды. Задержания с проверкой документов являются обычным явлением в российской полицейской практике, и происходят, прежде всего, для обыска с целью обнаружения запрещенных веществ. Полицейские, осознающие строгость Закона и нежелание людей связываться с ним, использует эту ситуацию в качестве источника дополнительного дохода. Специфика законоприменения в России такова, что попытки избежать правовой стигматизации происходят через построение криминальных отношений. Тогда как эффективность криминализации

определенных действий и, тем более, потребления определенных веществ, становится все менее явной.

Тотальная коммерциализация отношений населения с полицией и, соответственно, их коррумпированность, создает новый «узаконенный незаконный» порядок. Однако именно это является следствием рациональной деятельности потребителей наркотиков и взаимодействий между государством и обществом, обществом и индивидом, выстроенных по принципу включения/исключения. Способность «действовать вопреки» по Гидденсу в российской реальности приобретает буквальный вид – на уровне реальных взаимодействий действовать в рамках закона не получается, выходит только вопреки.

Рынок торговли наркотиками глобализирован и имеет сетевую организацию. Выращиваться и производиться наркотики могут в одной части земного шара, а продаваться и покупаться – в другой. В наркобизнесе множество мелких продавцов и немного действительно крупных наркобаронов, которые настолько защищены собственными властными ресурсами, что лишь в чрезвычайных исторических случаях становятся объектом деятельности наркополицей.

Особенностью этого рынка является то, что любой потребитель оказывается так или иначе втянутым в распространение наркотиков. То, что в легальных практиках потребления называется доверительными отношениями, в которых принято помогать и делиться, в пространстве потребления наркотиков оборачивается «принуждением к употреблению» и незаконной торговлей. Существует даже разъяснение Верховного суда РФ по поводу посредничества, которое им не приравнивается к торговле, но на практике эти два понятия оказываются синонимичными и в равной степени преследуются и уголовно наказываются.

Таким образом, структурация пространства потребления наркотиков происходит на уровне государства и его институтов, принуждающих общество к одностороннему восприятию этого явления. Эти институты структурируют общество, исходя из причастности к наркотикам, на нормативное и ненормативное, т.е. подлежащее изоляции. Но и деятельность потребителей, взаимодействующих с государством через его представителей – наркополицию, меняет социальный порядок, сконструированный государством. Ресурсы (а не причастность к наркотикам), которыми в неравной степени обладают потребители разных наркотиков, становятся важным фактором их включения/исключения.

В параграфе 2.2. **«Структурация социального пространства через криминализацию потребления наркотиков»** анализируются трансформации законодательства, происходящие с 1922 г. по настоящее время, выявляется его специфика и «слабые» места в области регулирования наркопотребления, рассматриваются возможности дифференцированного подхода к классификации разных видов наркотиков и наркопотребителей, обозначается современный статус потребителя наркотиков как правонарушителя.

В УК РСФСР 1926 г. впервые появляется статья, связанная с ограничением распространения и производства наркотических веществ *с целью сбыта*. Однако употребление или хранение без цели сбыта там не упоминаются, следовательно, не классифицируются как преступление. Это связано со специфической ситуацией в этой области в ранние советские времена. Запрещенные сегодня наркотики, в частности, конопля, имела широкое распространение в сельском хозяйстве. В 1928 году по площади посева конопли Россия занимала первое место в мире – 966 тысяч га³³. Опиатные наркотики (в основном, морфий), которым современное государство приписывает наибольшую опасность, использовались в медицине, как болеутоляющие средства. Рекреационное употребление наркотиков (преимущественно, кокаина) было распространено в узких богемных кругах, о чем свидетельствуют воспоминания современников³⁴.

В 1961 году вступает в силу новый УК, с которого начинается процесс криминализации именно потребления наркотиков. Начиная с 2004 г. УК РФ постоянно «пестрит» новыми поправками и дополнениями, многие из которых имеют абсурдный характер. Запрещается не только употребление веществ, внесенных в постоянно пополняемый список, но и чтение книг, якобы пропагандирующих потребление наркотиков, продажа изделий с маком в некоторых регионах, свободная торговля марганцовкой в аптеках и семенами петрушки на рынках и пр.

Весной 2012 г. вводится официальный запрет на «систематическое употребление в общественных местах», видимо, направленный на курильщиков марихуаны. В последние годы именно эти потребители доминируют в структуре пространства потребления наркотиков во всем мире. И если большинство европейских государств отмечает позитивный тренд, связанный со значительным уменьшением доли опиатных наркозависимых, российское государство и в этом случае принимает изоляционные меры.

В настоящий период отечественной истории роль правовых институтов значительно увеличивается. С одной стороны, это связано с необходимостью разрешения той ситуацией, которая возникла в «лихие девяностые», когда криминальная субкультура оказывала существенное влияние на развитие общества. С другой, политика государства под «соусом» либерализации становится все более жесткой по отношению к тем, кто, по мнению его представителей, не вписывается в нормативные требования. Происходит универсализирующая криминализация потребления наркотиков (институционализация криминализации через последовательную разработку УК), вследствие которой все больше индивидов потенциально и реально становятся преступниками/исключенными.

³³ Лаборатория селекции и первичного семеноводства конопли // Краснодарский научно-исследовательский институт сельского хозяйства им. П. П. Лукьяненко. URL: <http://www.kniish.ru/departaments/hemp>. Дата обращения: 15.06.2011.

³⁴ Жук О. Кока, кокаин, амфетамины // «Тихие обольстители» или «необузданные демоны». Наркотики. История, общество, культура. - СПб. Издательство «Красный Матрос», 2009. С. 80-118.

В главе 3. **«Структуризация социальных отношений на микроуровне пространства потребления наркотиков»** анализируются возможности дифференцирования потребления наркотиков с точки зрения экспертов, актуальные и активизирующиеся в современном обществе функции наркотиков на микроуровне их потребления. В заключении главы осуществлен синтез исследовательских результатов, позволивший достичь высокого уровня обобщения.

В параграфе 3.1. **«Дифференцированные потребительские поля и практики потребления наркотиков»** с помощью изучения мнения экспертов из разных профессиональных областей и собственных наблюдений, мы рассмотрели как структурируются отношения внутри пространства потребления на уровне притяжения/отталкивания разных потребительских полей, конструирования границ между ними, определения позиций в структуре потребительского пространства, включения/исключения отдельных полей из общего социального пространства и внутри пространства потребления.

Становится понятным, что пространство потребления наркотиков структурируется параллельно «традиционному» социальному пространству, т.е. воспроизводит его. Большинство социальных позиций является заранее заданными, а континуум ограничения/возможности определяется весом различных капиталов в каждом отдельном поле.

Типичные представители низших слоев со сниженными уровнями всех капиталов – потребители опиатов, которые максимально подвергаются влиянию государства, но и сами обычно «тянут» себя вниз. Большой средний слой с размытыми характеристиками, в котором можно увидеть несколько «подслоев» - потребительских полей (поля потребления амфетаминов, экстази, каннабиноидов). Абстрактная немногочисленная верхушка среднего слоя – поле потребления галлюциногенов с наибольшим сосредоточением культурного капитала, инкопорированного в символический. Высший слой – поле потребления кокаина, в котором преобладает экономический и социальный капиталы. Они позволяют агентам этого поля чувствовать себя свободно и защищенно, не подвергаясь принуждению и даже не привлекая интерес государства. В то же время культурный капитал у представителей этого поля может быть достаточно низким.

Явные признаки воспроизводства традиционной иерархизированной социальной структуры возникают как противопоставление государственному мифу об однородности пространства потребления наркотиков и социальному мифу о дихотомии бедности и богатства. Это, несомненно, указывает на дуальность структуры и способность агентов разных потребительских полей к структурным преобразованиям через деятельность.

В параграфе 3.2. **«Особенности влияния «слова» государства на формирование отношения к потреблению/потребителям наркотиков»** анализируются результаты проведенных фокус-групп со студенческой молодежью. Определяется насколько «слово» государство и номинации, которое оно производит, влияет на формирование повседневного отношения

эпизодических потребителей наркотиков к потреблению/потребителям, не включенных активно в пространство потребления.

Первый вывод по итогам всех фокус-групп – студенты осторожно выражают собственное мнение по поводу наркотиков и боятся осуждения. Сила государственного слова действительно велика и оно эффективно, обсуждение наркотиков считается запрещенной темой. Но вопросы, призывающие апеллировать к опыту других людей, позволяют раскрыть истинные мнения студентов по данному вопросу.

Студенты разделили наркотики на «легкие» и «тяжелые», т.е., на те, которые «нормально» употреблять и «ненормально». Получилось, что группа «легких наркотиков» очень широкая – в нее входят и каннабиноиды и все психостимуляторы (от кокаина до экстази), а группа «тяжелых» - очень узкая, в нее входит только героин.

Такая расстановка акцентов во многом связана со структурой свободного времени студентов, их наркотические практики совершаются коллективно и ночью (в клубах или на домашних вечеринках). Употребление каннабиноидов предполагает более спокойное проведение досуга, психостимуляторы помогают не спать, когда это необходимо и «насыщаться» хорошим настроением. Про галлюциногены никто не обмолвился и не отнес ни в какую группу. Все информанты совершенно четко понимают, что употреблять «тяжелые» наркотики – вредно и опасно физической зависимостью, и это даже не надо обсуждать. Если в далеком прошлом опиум употребляли после тяжелого рабочего дня, чтобы снять усталость, то сейчас это больше не опиум и не тяжелый труд, но есть другие наркотики, от которых можно «словить кайф», что стало более актуально.

Очевидно, что не различают разные типы наркотиков те, кто никогда их не пробовал или не общался с потребителями (а таких меньшинство). Студенты, утверждающие, что различия не существуют, ссылаясь на опыт «взрослых», руководствуются мнением о том, что употребление легких наркотиков неминуемо приведет к употреблению тяжелых.

Молодежь начинает употреблять наркотики, потому что это быстрый способ стать «взрослым» и адаптироваться в новой компании, да и просто из любопытства узнать, что скрывается за тем, что все запрещают. О наркотиках говорят слишком много, поэтому интерес к ним не угасает. Образцы наркотического стиля жизни студенты находят в модной литературе и кино, и с удовольствием примеривают на себя. Одновременно, стремясь подражать известным поп-героям, стараются не забывать, что у каждого «своя голова на плечах», и некоторые решения стоит принимать только тщательно обдумав.

Наркотики, по мнению студентов, стали настолько обыденной вещью, что их потребление уже не связывается с какими-то переломными или вынужденными ситуациями, наркотики «рядом», прочными нитками вшиты в повседневность. А с зависимостью можно справиться, если есть «стержень внутри», и если не поддаваться «самовнушению» о том, что наркотики обязательно приносят вред.

В параграфе 3.3. **«Потребление наркотиков как стилизирующий/структурирующий фактор повседневности»** мы анализируем результаты последнего этапа нашего эмпирического исследования. В выборку попали потребители наркотиков, имеющие высшее образование и постоянную работу, успешно справляющиеся с управлением собственной жизнью, используя наркотики как своеобразный ресурс. Но эти потребители реже всего становятся как объектом социологических исследований, так и предметом обсуждения государства и СМИ.

Подробное этнографическое описание информантами собственных биографий и повседневной жизни в сочетании с наблюдениями автора, позволяют выделить несколько континуумов, иллюстрирующих возможности для перемещения в социальном пространстве.

Мы обозначали три взаимосвязанных континуума. Континуум *«нормативная часть общества/ненормативная часть общества»* представляется процессом переопределения практик, осуществление которых само по себе не означает автоматическое передвижение к исключению или включению, но отражается на смещении позиций в других системах. Акт потребления наркотиков, не спровоцировавший смещение социальных характеристик индивида, может повторяться на протяжении всей биографии. Но момент спада/исключения обычно наступает при пересечении с другими полями или агентами, обнаружившими признаки потребления наркотиков. Даже случайное выявление такой потребительской практики приводит к смещению социальной позиции.

На оси *«типы включения/исключения»* мы обозначили типы, связанные с уровнями социальных отношений, в которых производятся/воспроизводятся процессы включения/исключения: межличностный, межгрупповой (между агентами разных потребительских полей), административно-правовой, медицинский, уголовно-правовой. Переходным от включения к исключению относится административное правонарушение или постановка на наркоучет. Выбор этой точки пересечения связан с переходом от номинации, возможно, *«витающей в воздухе»*, к *«зафиксированной»* номинации, знаменующей усиление процессов включения/исключения и переход их на более широкий уровень.

При перемещении *от стиля к образу жизни потребителя наркотиков* происходит постепенное исключение из нормативных практик параллельно с включением в ненормативные. Как таковой уровень включенности не может измеряться только позицией на оси нормативная часть общества/ненормативная часть общества. Однако именно эта позиция указывает на местоположение конкретных индивидов или потребительских полей на карте горизонтального социального пространства. Чем больше включенность в ненормативные практики, тем большее удаление от центра нормативной социальной жизни.

Процесс формирования биографии опосредован смещением позиций на других континуумах, составляющих систему диспозиций, которым является процесс производства биографии. Очевидно, что эти смещения и «отметки»

могут проявляться во множестве континуумов, перечисление каждого из которых вряд ли сможет облегчить задачу обобщения. Итак, к основным структурирующим биографии (как континуума) факторам относятся:

1. Континуум социального происхождения от самого низкого до самого высокого, определяющий изначальный вес ресурсов, наследующихся индивидами, сумма которых указывает на превалирование того или иного капитала (или их сочетаний) в отдельных потребительских полях. Эта ось также включает континуум географического происхождения – от столичного до провинциально-захолустного, особенно значимого как в огромной России, так и внутри большого города.

2. Континуум включенности в социальные сети – общий показатель включенности в разные типы социальных отношений в рамках нормативной и ненормативной частей социального пространства. Следовательно, позиционирование на этой оси указывает на доступность/недоступность ресурсов других полей.

3. Континуум образования включает в себя традиционные способы получения образования через предназначенные для этого институты, и образование, которое индивиды получают в процессе накопления жизненного опыта, включения в разные социальные сети, неформальные образовательные организации и пр.

4. Континуум профессиональной мобильности обозначающий специфику профессиональных траекторий, которая определяется не только очевидным характером труда (грубое разделение на физический/интеллектуальный), а особенностями организации трудовой деятельности (от офисной до фриланса), нормативностью/ненормативностью профессий (с точки зрения работников/с точки зрения окружающих).

Позиции индивидов в названных континуумах имеют скрытый характер. В повседневности он становится заметным в следующих континуумах индивидуальных микропроявлений:

- Континуум идентификации указывает на протяженность пути от «игр идентичностями» и стилями жизни, попыток самоопределения и дистанцирования от негативных обозначений/самообозначений до принятия стигмы и самостигматизации.

- Континуум поведения наравне с континуумом внешности в повседневной жизни являются основным источником информации о том или ином индивиде или поле. Незаметные для одних или очевидные для других особенности поведения и внешности указывают на стилистические и потребительские предпочтения. Континуум внешности включает в себя различные категории: от прямых указаний на состояние здоровья или болезни (от цвета лица, состояния тела до следов от уколов, инвалидности и пр.), до континуума проявлений того, что скрывает тело - косметика, одежда, украшения, совокупность которых в каждой социальной ситуации может восприниматься по-разному.

- Языковой континуум обозначает границы понимания между представителями нормативной и ненормативной частей общества. Процесс

присвоения общеизвестным явлениям новых названий в рамках коммуникаций в конкретном поле не всегда означает принятие всеми участниками этого поля новых правил и обозначений. Крайний же переход от «языка большинства» к непонятному для него «языку меньшинства» может означать потерю понимания, отдаление и дистанцирование.

Таким образом, индивидуальные, на первый взгляд, характеристики поведения индивидов существенно опосредованы интерактивными социальными смыслами и опытом. Закрепление определенной нормативной модели существования человека в обществе, с одной стороны, структурирует поведение, с другой, создает возможности для «встраивания» собственного поведения в эту модель. Рационализация практик и их отражений, сопоставление с общепринятыми нормами и правилами, позволяет перемещаться и балансировать между включением/исключением, «отрабатывая» стиль жизни «текущего» человека.

В **Заключении** с помощью инструмента «обоснованной теории» «матрица условий», позволяющего обобщить теоретические и эмпирические наработки, подводятся итоги и формулируются основные выводы диссертационного исследования. В современном обществе необходимо использовать дифференцированный подход не только в рамках пространства потребления наркотиков, но и относительно большинства социальных явлений/процессов. Репрессивная политика и расширение списка ненормативных номинаций способствуют не профилактике социального исключения, а создают для него новые поводы и новые группы исключенных.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

1. Дмитриева А.В. Биографические исследования как социальная практика // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. № 4. Саратов, 2010. - с. 551-553. 0,25 п.л.

2. Дмитриева А.В. Обзор конференции «Прикладные биографические исследования», 18-20 сентября 2010, Нюрнберг (Германия) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12 Психология. Социология. Педагогика. 2011. Выпуск 1. - с. 369-372. 0,25 п.л.

3. Дмитриева А.В. Наркотики как фактор структуризации в обществе потребления (на примере правового дискурса) // Журнал социологии и социальной антропологии. №5. 2011. –с. 338-347. 0,5 п.л.

4. Дмитриева А.В. Обзор конференции «Потребление как коммуникация» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. №5. – с. 395-403. 0,5 п.л.

5. Дмитриева А.В. Человек в обществе потребления. Новые формы контроля в современном обществе. Коллективная монография под ред. Я.И. Гилянского, Т.В. Шипуновой. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. - с. 327-357. 1,25 п.л.

6. Бородкина О. И., Самойлова В. А., Дмитриева А. В. Теоретико-методологические основы исследования социального исключения молодежи//Концепция возможностей и социальные проблемы

молодежи/Коллективная монография под редакцией О. И. Бородкиной. - СПб.: Издательство «Скифия-принт», 2012 (в печати).

7. Дмитриева А.В. Структуризация пространства потребления наркотиков как пример распределения ресурсов // Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна/Материалы всероссийской конференции. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2012 (в печати).

8. Dmitrieva A. Construction of the “drug lifestyle” through the process of social exclusion (Дмитриева А.В. Конструирование «наркотического стиля» жизни через процесс социального исключения) // Глобальная/локальная молодежь: новые гражданские культуры, права, обязанности (Global / Local Youth – New Civic Culture, Rights and Responsibilities)/ Материалы 11-го международного научного симпозиума (11th NYRIS symposium). Турку., 2011. – с. 57-58. 0,1 п.л.

9. Dmitrieva A. Discourse of the power as a tool for collective criminal biography construction (Дискурс власти как инструмент конструирования коллективной криминальной биографии) // Социальные отношения в турбулентные времена (Social relations in turbulent times)/ Материалы 10-й конференции Европейской Социологической Ассоциации (ESA). Женева, 2011. 0,1 п.л.

10. Дмитриева А.В. Наркотики как предмет потребления. Социологический анализ // Социальная политика: настоящее и будущее/ Материалы международной научно-практической конференции. СПб: Изд-во ЛГУ им. Пушкина, 2011. – с. 68-73. 0,4 п.л.

11. Дмитриева А.В. Девиантные стили жизни/потребления современной молодежи // Молодежь как ресурс регионального развития / Материалы международной научно-практической конференции. Киров, 2011. – с. 360-363. 0,25 п.л.

12. Дмитриева А.В. Новые принципы структуризации современного общества // Сайт исследовательской группы ЦНСИ «Общество и право» / URL: http://lawandsocietycisr.wordpress.com/2011/12/05/new_principles/#more-215

13. Дмитриева А.В. Тело потребителя: возможности и ограничения (на примере потребителей наркотиков)//Социальное знание в условиях модернизации: экспертные сообщества и междисциплинарный синтез/ Материалы 10-й ежегодной конференции СОПСО. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2011. 0,15 п.л.

14. Дмитриева А.В. Потребитель наркотиков – статус или стигма? // Проблемы социальной работы с молодежью и молодежная политика: история, теория, практика/Материалы научно-практической конференции. СПб.: СПбГУТиД, 2010. – с.92-95. 0,3 п.л.

15. Дмитриева А.В. Потребление наркотиков в процессе социального взаимодействия // IV Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции. СПб, Изд-во СПбГУ, 2009. - с. 224-226. 0,1 п.л.